

## ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

ЭО, 2007 г., № 4

© П. О. Рыкин

### **ОТ МОДЕЛЕЙ К СТРАТЕГИЯМ: ПЬЕР БУРДЬЕ И ЕГО ВКЛАД В ЭТНОЛОГИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ\***

Пьер Бурдьё принадлежит к тому типу ученых, которых во Франции принято называть "тотальными интеллектуалами". По широте своего кругозора и по вкладу в формирование современной научной парадигмы он стоит в одном ряду с такими знаменитыми французскими мыслителями, как М. Фуко, К. Леви-Стросс, Р. Барт и Ж. Деррида. Формально определяя себя как социолога, П. Бурдьё работал на стыке целого ряда общественнонаучных и гуманитарных дисциплин, а спектр проблем, которые он затрагивал в своем творчестве, необычайно обширен и разнообразен: от культурных концепций чести до социологии спорта, от работы ментальных структур до генезиса социальных классов, от формирования французской профессуры и бюрократии до семиотики жилища и ритуала. На этой весьма протяженной шкале научных интересов если не центральное, то, по крайней мере, одно из основных мест занимала этнологическая проблематика. Пристальное внимание к тем вопросам, которые традиционно относились к сфере компетенции этнологии, проходит через работы французского ученого на всех этапах его научной карьеры. Большинство своих теоретических положений Бурдьё иллюстрировал материалом, полученным в ходе собственных полевых исследований среди кабиллов Алжира и беарнских крестьян на юго-востоке Франции, да и сами эти положения рассматривались им как вклад не только в социологию в строгом смысле этого слова, но и в этнологию и другие социальные науки, искусственность границ между которыми была постоянным объектом его критики. Междисциплинарный подход к изучению социального сближает Бурдьё с Э. Дюркгеймом и М. Моссом, однако в отличие от своих предшественников он черпал этнологические данные не из книг, а из личного опыта полевой работы, который накладывался на глубокие познания практически во всех областях наук о человеке. Несмотря на это, известность Бурдьё среди этнологов (в особенности отечественных) значительно уступает известности тех же Дюркгейма и Мосса, труды которых давно уже стали практически хрестоматийными. Возможно, дело здесь в сложности – я бы даже сказал "эзотеричности" – теоретической модели Бурдьё. Как бы то ни было, если среди социологов научная значимость Бурдьё порой всерьез сопоставляется с ролью К. Маркса, то этнологи до сих пор, как правило, неохотно обращаются к его работам даже в тех случаях, когда это могло бы принести прямую и очевидную пользу. Среди немногих попыток практического применения отдельных понятий и положений теории Бурдьё в этнологии следует назвать, пожалуй, статьи Д. Бентли "Этничность как практика" (*Bentley 1987*) и Б. Фарнелл "Освобождение от габитуса" (*Farnell 2000*) (в последней содержится, в сущности, полемика с Бурдьё, хотя и признается значительность его

---

**Павел Олегович Рыкин** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

\*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-2005.2005.6.

научного вклада). Настоящая статья, конечно, не ставит своей целью освещение всех аспектов многогранного творчества Бурдьё – этому можно было бы посвятить не одну монографию<sup>1</sup>. Мы ограничимся тем, что попытаемся дать хотя бы частичное представление о разработанной им теоретической модели, главным образом, с точки зрения ее ценности для этнологии. Статья будет строиться следующим образом: сначала мы охарактеризуем основные вехи биографии Бурдьё, затем перейдем к сжато изложению важнейших принципов его теоретической модели, а в заключение подробнее остановимся на одной из этнологических проблем – проблеме отношений родства и брака, интерес к которой нашел отражение в таких его работах, как статья "Матримониальные стратегии в системе воспроизводства" (*Bourdieu* 1972), глава "Родство как представление и воля" из книги "Очерк теории практики" (1972; см.: *Bourdieu* 2000: ch. 3), главы "Земля и матримониальные стратегии" и "Социальные функции родства" из другой его монографии "Практическое чувство" (1980; см.: *Бурдьё* 2001а: кн. 2, гл. 1–2). Все эти работы легли в основу соответствующего раздела статьи.

### 1. Вехи интеллектуальной биографии

В ряде биографических работ о Бурдьё можно встретить миф о крестьянском мальчике, попавшем в лоно цивилизации и овладевшем всеми ее достижениями, но сохранившем при этом естественность и чистоту деревенского жителя. На самом деле жизненная история Бурдьё не столь романтична, хотя и не менее занимательна. Пьер Бурдьё родился 1 апреля 1930 г. в маленьком городке Дангэн на юго-востоке Франции (область Беарн, департамент Нижние Пиренеи) в семье мелкого почтового служащего. Скорее мелкий буржуа, нежели крестьянин, Бурдьё тем не менее был хорошо знаком с жизнью, бытом и мировоззрением крестьян, среди которых он провел свои детские годы. Это оказало существенное влияние на формирование его как личности, во-первых, определив сферу его интересов (традиционные культуры, докапиталистическая экономика, ритуалы и т. д.), а во-вторых – что более важно – внушив ему критический и неангажированный взгляд на мир, своего рода "методологическую наивность", которую он высоко ценил и которой очень гордился. "Принадлежность к профессиональной группе, – писал Бурдьё, – осуществляет эффект цензуры, который выходит за рамки институционального или личного принуждения: есть вопросы, которые не задают, которые нельзя задавать, поскольку они затрагивают основополагающую веру, лежащую в фундаменте науки и функционирования поля науки" (*Бурдьё* 1994: 20–21). Статус чужака, аутсайдера в академической среде, который в силу своего происхождения поначалу имел Бурдьё, позволил ему выйти из-под действия этой профессиональной цензуры, дистанцироваться от господствовавших в его науке догм, объективировать их и сделать предметом социологической критики.

В 1941–1947 гг. Бурдьё учился в лицее г. По, а в 1948 г. перешел в парижский лицей Людовика Великого (*Lycee Louis-le-Grand*), обучение в котором давало право на поступление в *Ecole normale supérieure* (Высшую педагогическую школу) – одно из самых престижных высших учебных заведений Франции. Преодолев ряд препятствий, Бурдьё в 1951 г. смог поступить в *Ecole normale supérieure* на отделение философии; его учителями были такие известные философы, как Л. Альтюссер, Г. Башляр, Ж. Кангилем, А. Койре и М. Фуко. По признанию самого Бурдьё, университетские курсы философии не были особо увлекательными, поэтому, когда дело дошло до определения профессиональной специализации, он сделал выбор в пользу непрестижной на тот момент социологии. Этим он выразил свой протест "против университетской институции и всего того, что она скрывает в себе насильственного, против лжи, канонизированной глупости, а через это и против социального порядка" (*Бурдьё* 1994: 14–15). Бунтарский дух Бурдьё в конце концов приводит его к отказу защищать подготовленную им диссертацию по философии (комментированный перевод "Animadver-

siones" Лейбница), и после окончания *École normale supérieure* в 1955 г. он уезжает в провинциальный городок Мулен, чтобы заняться преподавательской работой в местном лицее, вдали от столичной суеты. Оттуда через год его призывают в армию.

Данный момент стал ключевым для всей профессиональной карьеры Бурдьё. Дело в том, что для прохождения службы его отправили в Алжир, где все больший размах приобретало национально-освободительное движение. Перед глазами Бурдьё развернулась грандиозная социальная и политическая драма, породившая целый пучок серьезных проблем, разобраться в которых было невозможно без обращения к социологии. Кроме того, Бурдьё тесно сталкивается с культурой коренного населения Алжира – кабилы, в которой он усматривает параллели культуре хорошо знакомых ему беарнских крестьян. Все это побуждает его серьезно заняться социологией и этнологией Алжира, и после окончания военной службы в 1958 г. он остается преподавать в Алжирском университете, одновременно осуществляя масштабные полевые исследования. Своеобразным обобщением интересов ученого на данном этапе его деятельности явилась книга "Социология Алжира", которая была выпущена им в том же году. Вскоре (в 1960 г.) Бурдьё возвращается в Париж. Известность, которую он приобрел благодаря своим работам, позволила ему получить в Сорбонне место ассистента Р. Арона, на тот момент времени самого крупного среди французских социологов. Параллельно с преподавательской работой он активно изучает теоретическую литературу по различным социальным наукам, посещает семинары К. Леви-Стросса в Коллеж де Франс и лекции по этнологии в Музее человека. Новый отъезд из столицы (на этот раз в г. Лилль, где Бурдьё преподает в 1961–1964 гг.) несколько не ослабил завоеванных им позиций во французском академическом сообществе; напротив, после своего возвращения практически сразу он становится директором-исследователем в *École pratique des hautes études* (Высшей практической исследовательской школе), одном из крупнейших учреждений высшего образования и науки во Франции (осн. в 1868 г.).

Это важное событие знаменует начало нового периода в жизни ученого, периода его наиболее интенсивной научной деятельности, а также широкого признания идей Бурдьё по всему миру. С 1964 г. до своей кончины в 2002 г. Бурдьё издал более 30 одних только монографий, названия многих из которых хорошо отражают тематическое разнообразие его интересов: "Труд и трудящиеся в Алжире" (1964), "Наследники: учащиеся и культура" (1964), "Любовь к искусству: музеи и их публика" (1966), "Ремесло социолога" (1968), "Воспроизводство: элементы теории системы образования" (1970), "Очерк общей теории практики" (1972), "Различение: социальная критика суждения" (1979), "Практический смысл" (1980), "Что значит говорить: экономика лингвистических обменов" (1982), "Ното academicus" (1984), "Политическая онтология Мартина Хайдеггера" (1988), "Знать государства: высшие школы и корпоративный дух" (1989), "Правила искусства: генезис и структура поля литературы" (1992), "Практические доводы: к теории действия" (1994), "О телевидении" (1996), "Паскалевские размышления" (1997), "Социальное использование науки: к клинической социологии поля науки" (1997), "Мужское господство" (1998), "Социальные структуры экономики" (2000), "Наука о науке и рефлексивность" (2001), "Язык и символическая власть" (2001), "Бал холостяков" (2002).

В 1960-х годах вокруг Бурдьё складывается группа единомышленников (Л. Болтански, А. Дарбель, М. де Сен-Мартен, Ж.-К. Пассрон и др.), в соавторстве с которыми он публикует ряд программных работ и при поддержке которых в 1968 г. организует Центр европейской социологии. В 1975 г. основывается журнал "Ученые труды по социальным наукам", ставший основным печатным органом "школы Бурдьё", если можно так назвать достаточно разнородный круг идейно близких к нему исследователей. В 1981 г. научные заслуги Бурдьё признаются избранием его в действительные члены Французской академии наук, а в следующем году он получает почетную должность заведующего кафедрой социологии в Коллеж де Франс. Бурдьё выступает также главным редактором книжной серии "Здравый смысл" (издательство "Миннон", с 1964 г.) и

главным редактором серии "Liber" (издательство "Сей", с 1998 г.). Таким образом, постепенно создается своего рода "империя Бурдьё", которая включает в себя собственные издательства и периодические издания, свои научные и образовательные учреждения. Однако – и здесь Бурдьё оставался верным своему бунтарскому духу – основной задачей этой империи было не упрочение авторитета ее главы в академических кругах (хотя оно, безусловно, тоже имело место), а борьба со всякими проявлениями империализма, или, по выражению Бурдьё, "доминирования" в политической, культурной, экономической и социальной сферах.

В последние годы жизни Бурдьё активно занимался политической публицистикой, отстаивая интересы угнетенных и эксплуатируемых слоев населения. Он обличал неокOLONIALИзм западных держав (агрессию США в Ираке и Югославии), выступал против несправедливого социального законодательства во Франции и других европейских странах. В качестве теоретического обоснования своей позиции Бурдьё выдвигал концепцию "ангажированного ученого", который обязан заниматься политикой, чтобы политика не занялась им. Умер Пьер Бурдьё 23 января 2002 г., оставив неопубликованными две книги и более десятка статей.

## 2. Основные понятия и термины

Если попытаться сформулировать суть теоретической модели Бурдьё в одном предложении, оно могло бы звучать так: данная модель направлена на объяснение того, как объективные социальные установления (культура, политические и экономические институты, структуры родства и брака, религия, образование и т.п.) взаимосвязаны с субъективными ментальными структурами людей – действующих лиц в социальном мире, или социальных агентов, как предпочитал их именовать сам Бурдьё. Свою теоретическую модель французский ученый обозначал двумя терминами: *генетический структурализм* и *рефлексивная социология*. *Структурализм* – потому что Бурдьё стремился ввести в социальные науки реляционный способ мышления, ассоциировавшийся со структурализмом К. Леви-Стросса и противопоставлявшийся субстанциалистскому видению мира, которое резюмировано в знаменитом положении Э. Дюркгейма "рассматривать социальные факты как вещи"<sup>2</sup>. *Генетический* – потому что его главной целью выступал анализ генезиса ментальных структур из структур социальных и, наоборот, генезиса социальных институтов из ментальных принципов "видения и деления" (*vision et division*), присущих социальным агентам<sup>3</sup>. Наконец, *рефлексивной* свою социологию Бурдьё называл потому, что большое значение он придавал конституированию объекта исследования путем рефлексивных процедур разрыва с традиционными предположениями науки и экспликации самого воздействия исследователя на объект (к последней процедуре Бурдьё любил применять изящную фразу "объективировать объективирующего субъекта"). Рассматривая проблему рефлексивности в контексте этнологии, Бурдьё заявлял о необходимости перехода от включенного наблюдения (*observation participante*), подверженного иллюзии описания реальности "как она есть", к включенной объективации (*objectivation participante*), которая в полной мере учитывала бы искажения, вызванные одним только фактом присутствия исследователя в наблюдаемом обществе, а также широко дискутируемые в философии сложности с постижением чужого сознания. Название "Включенная объективация" носит одна из лекций, прочитанных Бурдьё в Королевском антропологическом институте в Лондоне (Bourdieu 2003).

Теоретическая модель Бурдьё испытала на себе влияние нескольких крупных направлений мысли. Прежде всего, это марксизм (особенно ранний Маркс периода "Тезисов о Фейербахе"), от которого Бурдьё унаследовал склонность к анализу политэкономической проблематики и к изучению практики; далее, следует упомянуть феноме-

нологию Э. Гуссерля, которая дала ключевое для Бурдьё понятие *габитуса*, а также стимулировала его интерес к обыденному социальному опыту агентов; о роли структурализма с характерным для него приматом отношений над сущностями уже говорил М. Вебера, Э. Дюркгейма, Л. Витгенштейна, И. Гоффмана и ряда других известных теоретиков (подробнее см.: Jenkins 1992: 18–19; Wacquant 1992; Шматко 2001: 13–22; Вакан 2001; Throop, Murphy 2002). Вместе с тем за его теоретической моделью сложно не признать безусловную оригинальность и самостоятельность, несводимость к идеям предшественников, которые служили Бурдьё творческими ориентирами, но никак не догмами.

Глубоко диалектический характер этой модели (кстати, здесь тоже сказывается влияние Маркса) проявлялся, в частности, в том, что Бурдьё предназначал ей роль инструмента для преодоления ряда фундаментальных оппозиций, структурирующих поле социальных наук. Первая из них – это оппозиция *объективизма* (социальной физики) и *субъективизма* (социальной феноменологии). "В самом общем виде, – писал Бурдьё, – социальная наука – антропология, социология или история – колеблется между двумя с виду несовместимыми точками зрения: объективизмом и субъективизмом" (Бурдьё 1994: 182–183). Объективизм сводит социальный мир исключительно к эмпирически наблюдаемым сущностям – группам, классам, социальным структурам и т. п., которые трактуются как независимые от сознания людей и определяющие их поведение. В противоположность этому, субъективизм придает детерминирующую функцию создаваемым людьми представлениям о социальном мире, который и мыслится не иначе как продукт коллективной реализации данных представлений. По Бурдьё, альтернативность объективизма и субъективизма является ложной и искусственной, и социальная наука, претендующая на статус рефлексивной, должна учитывать в анализе социального мира как объективные структуры, так и субъективные представления<sup>4</sup>. «"Социальная реальность", о которой говорят объективисты, есть также объект восприятия. А социальная наука должна брать в качестве объекта и эту реальность, и ее восприятие с перспективами и точками зрения, которые агенты имеют об этой реальности в зависимости от их позиции в объективном социальном пространстве» (Там же: 191).

Вторая крупная оппозиция, о необходимости преодоления которой заявлял Бурдьё, – это оппозиция между *социологией* и *этнологией*. "Вся моя работа на протяжении более двадцати лет, – говорил он в одном из интервью, – имеет целью уничтожить оппозицию между этнологией и социологией" (Бурдьё 1994: 114). Существование двух этих наук в качестве отдельных и самостоятельных дисциплин Бурдьё считал пережитком прошлого, когда с помощью такого дисциплинарного деления устанавливался водораздел между примитивными, традиционными, "холодными" обществами, с одной стороны (ими должна была заниматься этнология), и высокоразвитыми, прогрессивными формами социальной организации, характерными для западной цивилизации (их изучение вверялось социологии). В этом, как полагал Бурдьё, прослеживалась тенденция к идеологическому обоснованию колониализма и империализма, которое долгое время имплицитно осуществляла западная наука. На самом же деле, по глубокому убеждению французского ученого, никакого серьезного качественного различия между обоими типами обществ не существует, и он искусно демонстрировал это на примере анализа мыслительных структур профессоров Сорбонны в книге "Homo academicus", применяя к последним те же категории, с помощью которых он описывал мышление кабилы или беарнских крестьян (Bourdieu 1988: 194–225). Отсюда делался вывод, что вера в глубокие различия между объектами этнологии и социологии носит по существу иллюзорный характер.

Третья оппозиция – это оппозиция между *механицизмом* (или холизмом) и *финализмом* (или методологическим индивидуализмом). Этнологи и социологи, изучая обще-

ства, отдают приоритет либо неким квазигиририческим нормам, независимым от сознания людей, чье поведение выводится из них механическим образом (структурализм, марксизм), либо сугубо рациональному расчету, которым люди руководствуются в социальной жизни, как если бы они были последовательными индивидуалистами (теория рационального действия, феноменологическая социология, этнометодология). К примеру, этнология вообще склонна к злоупотреблению "юридизмом", т.е. привычкой описывать социальный мир в терминах разного рода моделей и правил и "действовать так, словно социальные практики получили объяснение, как только было сформулировано эксплицитное правило, по которому эти практики должны производиться" (Бурдые 1994: 117). Поступая так, этнолог принимает (если перефразировать Маркса) логические вещи за логику вещей и вносит в предмет собственное отношение к нему<sup>5</sup>. В опровержение этой позиции Бурдые приводит следующее высказывание М. Вебера: "Социальные агенты подчиняются правилам, когда выгода подчиняться им одерживает верх над выгодой их нарушать" (Цит. по: Бурдые 1994: 117). Безусловное влияние на Бурдые оказали здесь работы Л. Витгенштейна с его трактовкой понятия "следование правилу" как определенной практики, или языковой игры<sup>6</sup>. С другой стороны, искажают реальную картину и финалистские теории "сознательного актора", которые представляют дело таким образом, будто люди всегда свободно и рационально изменяют социальный мир в соответствии со своими текущими потребностями и интересами. Призывая отказаться от обеих крайностей, Бурдые предлагает заменить «механику моделей» диалектикой стратегий, но не впадая при этом в воображаемую антропологию теорий "сознательного актора"» (Бурдые 2001а: 195). Это означает, что в реальности люди подчиняются правилам, но лишь постольку, поскольку эти правила достаточно расплывчаты и двусмысленны, чтобы с помощью нужной их интерпретации добиться определенной материальной или символической выгоды; кроме того, процесс подчинения правилу носит по преимуществу бессознательный, автоматический характер, когда агенты спонтанно выбирают в данной конкретной ситуации ту практическую стратегию поведения, которая наилучшим образом удовлетворяет их актуальным целям и при этом кодифицирована в виде правила (ср. ниже понятие габитуса). Такая стратегия "дает им возможность порождать осмысленные и упорядоченные идеи и практики без намеренного стремления и без сознательного подчинения правилам, эксплицитно сформулированным как таковые" (Бурдые 1994: 118).

Для более полного понимания концепций Бурдые необходимо остановиться на ряде специальных терминов, в которых его социальная диалектика выражена наиболее ярко и отчетливо. Рассмотрим важнейшие из них.

**Агент.** Понятие *социального агента* было введено Бурдые в противоположность понятиям объективистских теорий общества (в частности, структурализма), в которых наблюдалась тенденция детерминировать поведение людей объективными социальными структурами и закономерностями, полностью исключавшими какой-либо элемент двусмысленности и непредсказуемости в деятельности социальных субъектов. В трактовке Бурдые агенты выступают носителями динамического, творческого начала, отрицающего сухой схематизм объективистских норм, моделей и правил. Бурдые неоднократно подчеркивал, что агенты "в архаических обществах, как и в наших, не являются... автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами механики, которые им не ведомы" (Бурдые 1994: 21). Агенты могут манипулировать социальной реальностью в своих интересах; впрочем, последние сами обуславливаются этой реальностью и ставят пределы тем изменениям, которые в принципе могут быть в нее внесены. Тем самым общество все время находится в состоянии динамического равновесия, которое представляет собой результирующую отношений силы между разными категориями социальных агентов.

**Практика.** Коротко говоря, *практика* (Бурдьё чаще употреблял это слово во множественном числе – "*практики*") – это все, что делают агенты, делают спонтанно, но при этом упорядоченным образом в рамках того или иного из *полей* (см. ниже). Практики тесно соотносятся с конкретными социальными ситуациями и с порождаемыми ими текущими интересами агентов, поэтому они всегда отличаются известной степенью неопределенности и амбивалентности. Логика практики также отличается от формальной логики в привычном нам понимании: она не гнушается очевидными противоречиями, если те отвечают требованиям ситуации. Бурдьё предупреждал о том, что следует остерегаться искать в практике "логики больше, чем там ее есть: логика практики в том, чтобы быть логичным до того момента, когда быть логичным становится непрактичным" (Там же: 122).

**Диспозиции.** Если практики – это то, что агенты делают, то *диспозиции* – это то, чем они руководствуются в своих действиях. Диспозиции представляют собой ментальные структуры, которые имеют социальный генезис, но в то же время при экстернизации приводят к генезису социального. Диспозиции и образуют систему, которую Бурдьё именует габитусом. К диспозициям относятся разного рода схемы восприятия, классификации и оценки, которые используются агентами в их практических стратегиях. Эти схемы "являются условием всякой *разумной* мысли или практики, но, постоянно подкрепляясь действиями и речами, произведенными согласно таким же схемам, они исключаются из круга осмысляемых предметов" (Бурдьё 2001а: 32). Освоение диспозиций агентами происходит не путем сознательного научения, т.е. как процесс овладения теоретическим знанием, а на практике, через дорефлективное усвоение логики действий других агентов, зачастую посредством простой имитации, "от тела к телу".

**Поле.** В теоретической модели Бурдьё *поле* понимается как относительно замкнутая и автономная система отношений между позициями, занимаемыми агентами в социальном пространстве. Бурдьё выделял несколько типов полей: поле политики, поле экономики, поле религии, поле науки, поле литературы и т.д. Поле является местом борьбы агентов за достижение доминирующих позиций, за контроль над специфичными для каждого поля материальными и символическими ресурсами, наконец, за внедрение собственных принципов видения и деления социального мира. В этой борьбе "каждый агент пытается навязать другим границы поля, в наибольшей степени удовлетворяющие его интересам, или, иными словами, навязать определение условий принадлежности к полю... которое лучше всего оправдывает избранный им способ существования" (Бурдьё 2005: 378). Полям соответствуют определенные наборы социальных практик и связанных с ними диспозиций, а также определенные типы интересов, которые агенты реализуют в рамках того или иного поля. Структура поля определяется структурой распределения специфичного для данного поля *капитала* (см. ниже), т.е. доминирующие позиции в поле, как правило, занимают те агенты, в чьих руках концентрируется наибольший объем капитала. Поля отличаются также особой логикой, которая позволяет переводить внешние воздействия со стороны других полей в имманентные для данного поля категории (Бурдьё называл это свойство поля способностью к рефракции). Чем более успешно поле осуществляет рефракцию, тем большей степенью автономности оно обладает (см.: Бурдьё 2001б: 52).

**Капитал.** *Капитал* представляет собой тот ресурс, который агенты используют для максимально успешной реализации своих интересов внутри поля. Бурдьё различает четыре вида капитала: экономический (материальные ценности), культурный (образовательный и интеллектуальный уровень индивида), социальный (происхождение, текущий статус и групповая идентичность индивида) и символический (престиж, репутация, слава, харизма и т.п.). Капитал выступает источником и одновременно условием достижения власти, поэтому агенты, как правило, ориентируют свои практические стратегии на максимизацию всех доступных им видов капитала. "Отдельные виды ка-

питала, как козыри в игре, являются властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле... Например, объем культурного капитала (то же самое с соответствующими изменениями относится к экономическому капиталу) определяет совокупные шансы на получение выигрыша во всех играх, где задействован культурный капитал и где он участвует в определении позиции в социальном пространстве (в той мере, в какой эта позиция зависит от успеха в культурном поле)" (Бурдьё 1993: 57). Каждый вид капитала соотносится с присущими ему системой ценностей и типом власти; тем не менее различные виды капитала тесно связаны друг с другом и при определенных условиях допускают взаимную конвертацию. Агенты, которым удается эффективнее всего конвертировать один вид капитала в другой (например, социальный в экономический или экономический в культурный), добиваются наиболее привилегированных позиций в рамках поля.

**Габитус.** Понятие *габитуса* занимает центральное место в терминологическом аппарате Бурдьё. Оно осуществляет связь между всеми остальными понятиями, выступая своего рода ключом для проникновения в суть построенной Бурдьё теоретической модели. Ввиду значимости этого понятия имеет смысл подробнее остановиться на его содержании. В общих словах габитус – это инстанция, которая играет роль посредствующего звена между объективными социальными структурами и субъективными ментальными диспозициями, являясь механизмом, одновременно порождающим практики и порождаемым практиками, или, как выразался Бурдьё, "местом интериоризации внешнего и экстериоризации внутреннего". Габитус можно рассматривать как некое "практическое чувство", которое усваивается агентами в ходе социализации и позволяет им производить практики, максимально адекватным образом подогнанные к требованиям ситуации и приносящие наибольший объем капитала. Принцип действия габитуса носит спонтанный характер и основан на применении агентами ряда дорефлективных практических навыков, которые не являются ни полностью сознательными, ни всецело автоматическими<sup>7</sup>. По словам Бурдьё, "агенты, в некотором роде, скорее, *натываются* на собственную практику, чем выбирают ее свободно или подталкиваются к ней путем механического принуждения" (Бурдьё 1994: 161). Тем самым габитус «одинаково противопоставляет себя как механической необходимости, так и рефлексивной свободе, как внеисторизму механицистской теории, так и субъектам, "лишенным инерции" в рационалистических теориях» (Бурдьё 2001а: 109–110). Подгоняя социальные ожидания агентов под реально доступный им диапазон возможностей, он обеспечивает тождество объективного социального деления (*division*) и субъективного видения этого деления (*vision*), которое, в свою очередь, служит основой для воспроизводства социального порядка. Продукт прошлого социального опыта, габитус имеет тенденцию активизироваться в том случае, если текущая социальная ситуация аналогична тем условиям, в которых он некогда сформировался; впрочем, иногда между диспозициями агентов и социальными ситуациями наблюдаются известные расхождения, вызванные явлениями гистерезиса – запаздывания с адаптацией габитуса к изменениям в социальном мире (см., напр.: Бурдьё 2005: 165).

Если вообще допустимо говорить о "месте", в котором пребывает габитус, то таким с большей вероятностью следует признать тело, а не сознание или бессознательное. "Социальный мир, – утверждал Бурдьё, – обращается с телом так, как мы – с неким запоминающим устройством: он записывает на нем, особенно в форме социальных принципов деления, которые обыденный язык сводит в пары оппозиций, фундаментальные категории видения мира (или, если хотите, системы ценностей или предпочтений)" (Там же: 303). Габитус – это знание, заученное телом, которое "может передаваться только на практике, в практическом состоянии, не доходя до уровня дискурса" (Бурдьё 2001а: 143). Агент усваивает габитус, имитируя практики значимых "других" и постепенно овладевая принципами их порождения. Вообще габитус группы

или класса конституируется в результате спонтанного согласования габитусов индивидуальных агентов, обусловленного как раз тем, что все эти агенты принадлежат к данной группе или классу, т.е. имеют общий набор интересов и представлений о способах их реализации. Здесь действует принцип своеобразной "оркестрации без дирижера", вытекающей из сходной ментальной (но имеющей социальный генезис) предрасположенности агентов действовать в соответствующих социальных ситуациях так, а не иначе. "Парадоксы коллективного действия разрешаются на практике, базируясь на негласном постулате, что другие будут действовать ответственно и с тем постоянством или верностью самим себе, которые вписаны в устойчивый характер габитусов" (Бурдьё 2005: 166–167). Резюмируя сказанное, можно утверждать, что габитус – эта "спонтанность, не обладающая сознанием и волей" (Бурдьё 2001а: 109) – представляет собой всю теоретическую модель Бурдьё, сжатую до размеров одного понятия, столь же изолированного и диалектичного, как и целое, частью которого оно является<sup>8</sup>.

### 3. Родство как представление и воля

В заключение вкратце рассмотрим одно из практических применений созданной Бурдьё теоретической модели на материале отношений родства и брака<sup>9</sup>. Наш выбор в значительной мере определен предпочтениями самого французского ученого, который любил затрагивать эту традиционную для этнологии проблематику в своих работах<sup>10</sup>. Главу из книги "Очерк теории практики", где он впервые изложил свои взгляды на предмет в подробном и систематическом виде, Бурдьё назвал "Родство как представление и воля", перефразируя название знаменитой работы Ф. Шопенгауэра "Мир как воля и представление" (Bourdieu 2000: ch. 3). Уже этим он явственно обозначил свои эпистемологические приоритеты в трактовке родства и акцентировал разрыв с объективистской моделью его анализа, практически безраздельно господствовавшей во французской этнологии в то время. Данная модель находилась под сильным влиянием уже упоминавшегося "юридикализма" – тенденции к гипостазированию норм, правил, законов и прочих продуктов кодификации социальных практик. Как правило, работа этнолога заключалась в анализе соотношения систем и терминов родства, составлении генеалогических схем и фиксации брачных норм и типов, тогда как вопрос о реальном воздействии этих аналитических конструктов на социальную практику агентов оставался в стороне. Между тем, утверждал Бурдьё, понять практическую значимость родственных связей можно только через изучение того, каким образом они используются агентами в их стратегиях поведения в социальном мире. "Браки, идентичные с точки зрения генеалогии, могут иметь различные и даже противоположные значения и функции, в зависимости от стратегий, в которые они включены и которые могут быть переосмыслены лишь в результате воссоздания системы обменов между двумя соединившимися группами, а также состояния этих отношений в данный момент времени" (Бурдьё 2001а: 336). К такому выводу Бурдьё пришел на основании результатов собственной полевой работы среди кабиллов Алжира и беарнских крестьян. К примеру, в Беарне браки являлись составной частью системы стратегий наследования земельной собственности, с помощью которых агенты добивались максимизации своего экономического капитала. Стремясь обеспечить своим детям "лучшую партию", главы семей преследовали цель поддержания целостности наследства и даже его увеличения, поскольку величина приданого (*adot*) определялась размерами земельной собственности родителей невесты. Можно сказать, что величина надела обуславливала диапазон возможных брачных партнеров, так как брак с девушкой из слишком богатой семьи мог подорвать позиции наследника в структуре отношений семейной власти, а мезальянс ("брак с понижением") наносил урон его чести и социальному авторитету. В результате браки обычно заключались между семьями более или менее равного социального статуса, но допускали огромное число различных вариан-

тов и комбинаций в зависимости от относительного положения семей в структуре распределения политических и экономических ресурсов. Обобщая свой беарнский опыт, Бурдьё писал: "Матримониальные стратегии неотделимы от стратегий наследования, стратегий деторождения или даже педагогических стратегий... которые всякая группа задействует, чтобы передать следующему поколению в сохраненном или приумноженном виде унаследованные власть и привилегии. В основе этих матримониальных стратегий лежит не дух расчета, не механистический детерминизм экономической необходимости, а диспозиции, внушенные условиями существования, своего рода социально сконструированный инстинкт, который склоняет переживать как безусловное веление долга или как непреодолимое влечение чувства поддающиеся объективному расчету требования особой формы экономики" (Там же: 310–311).

Трактовать родство как "что-то, что делают и с помощью чего делают что-либо другое" (Bourdieu 2000: 99), Бурдьё побудил и анализ социальных практик у кабиллов Алжира, среди которых он работал продолжительное время на ранних этапах своей научной карьеры<sup>11</sup>. Опираясь на данные статистики (что было новым словом во французской этнологии того времени), он смог установить, что патрилатеральный параллельный кузенный брак, который считался типичным для арабо-берберских обществ, у кабиллов составлял лишь от 3–4% до 5–6% общего числа браков, хотя и рассматривался самими информантами как нормативный. На самом деле подавляющее большинство браков в той или иной степени отклонялось от этой идеальной модели. Чем же объясняется такое расхождение норм и практик? Согласно Бурдьё, практические интересы (точнее говоря, формировавший их габитус) толкали кабиллов на извлечение из браков максимально возможной выгоды, каковой, естественно, считалось увеличение принадлежащих семейно-родственной группе разных типов капитала. На службе этих интересов стояли и генеалогические связи, которые использовались агентами для идеологического обоснования их практических стратегий. У кабиллов «один и тот же индивид может в зависимости от обстоятельств, ситуации, собеседника... сказаться либо членом *Ath Abba*, т.е. членом "дома" (*akham*), самой малочисленной единицы, либо же – и это другая крайность – членом *Ath Yahia*, т.е. племени (*āarch*), наиболее широкой группы. Такой абсолютный релятивизм предоставляет агентам власть манипулировать их собственной социальной идентичностью или идентичностью их соперников или партнеров, которых они рассчитывают ассимилировать или исключить, манипулируя границами класса, в чей состав входят как те, так и другие» (Бурдьё 2001а: 324). Всевозможным манипуляциям подвергался и выбор матримониальных партнеров, коль скоро он диктовался требованиями практического чувства, с точки зрения которого "дочь брата отца может оказаться не более близкой родственницей в практически освоенном социальном пространстве, чем любая другая кузина по отцовской или даже по материнской линии" (Там же: 322). Отсюда понятно, что реальная численность патрилатеральных параллельных кузенных браков, теоретически нормативных, могла быть минимальной, если вообще не нулевой. В конце концов, с помощью нужной интерпретации нормы можно было прикрыть любой, даже самый вопиющий случай ее нарушения. "Двусмысленная генеалогическая связь всегда дает возможность приблизить самого отдаленного родственника или приблизиться к нему, делая акцент на том, что их объединяет; либо держать на расстоянии самого близкого родственника, выставляя напоказ то, что их разъединяет. Целью этих манипуляций, которые было бы наивно считать фиктивными только потому, что они никого не могут обмануть, является не что иное, как *определение практических границ группы*, которые можно очертить, в зависимости от необходимости, либо перед лицом того, кого предполагается присоединить, либо перед лицом того, кого предполагается отторгнуть" (Там же: 334). В сущности, утверждал Бурдьё, о норме агенты вспоминают лишь тогда, когда прибегать к ней становится выгодным, в противном же случае на нее просто перестают обращать внимание и действуют сообразно потребностям соци-

альной практики. Основной вывод, вытекающий из исследования отношений родства и брака у кабиллов, заключается в том, что "логические отношения родства, которым структуралистская традиция приписывает почти полную автономию от экономических детерминант, существуют в практическом виде только для и через официальное и формализованное использование их агентами, которые тем более склонны поддерживать эти отношения в рабочем состоянии и заставлять их работать интенсивнее... чем более необходимые функции эти родственные связи выполняют – актуально или виртуально, чем более жизненных интересов (материальных или символических) они удовлетворяют или могут удовлетворить" (Бурдьё 2001а: 68).

Примечательно, что при анализе брачных отношений Бурдьё активно использовал экономическую терминологию (можно даже сказать: злоупотреблял ей)<sup>12</sup>. Так, он писал об "экономике матримониальных обменов", называл женщину у кабиллов "разменной монетой, могущей принести символические барыши", а смену традиционных обменов современными определял как "переход от матримониального режима планового типа к свободному рынку матримониальных партнеров" (см., напр.: Бурдьё 1994: 109; 2001а: 37, 351–352). Этим он пытался не только подчеркнуть тесную соотнесенность брака с системой экономических отношений как в традиционных, так и в современных обществах, но и лишить его того ореола возвышенности и сакральности, который, опираясь на точку зрения "здорового смысла", придавали ему многие этнологи и социологи. Практические функции родства "как представления и воли", по Бурдьё, имеют ярко выраженную прагматическую ориентацию, которая дает основания рассматривать его в качестве одной из важнейших стратегий производства и воспроизводства различных видов капитала.

### Примечания

<sup>1</sup> Интересующиеся могут обратиться к уже существующим монографиям, в которых подробно рассматриваются истоки и идейная основа концепций Бурдьё (Robbins 1991; Jenkins 1992; Accardo 1997; Swartz 1997; Bonnewitz 1998; Pinto 1998; Verdes-Leroux 1998).

<sup>2</sup> "Первое и основное правило (социологии. – П.П.) состоит в том, что социальные факты нужно рассматривать как вещи" (Дюркгейм 1995: 40).

<sup>3</sup> Взаимообусловленность социальных и ментальных структур являлась одним из ключевых принципов теоретической модели Бурдьё. Во многих его работах встречается тезис о том, что "схемы восприятия и оценки, на основе которых мы конструируем социальный мир, создаются в процессе коллективной исторической работы, но не без опоры на структуры самого мира. Такие структурированные структуры, как наши категории мышления, являющиеся плодом исторического конструирования, участвуют в создании мира, но лишь в той мере, в какой они соответствуют уже существующим структурам" (Бурдьё 2005: 105).

<sup>4</sup> Н.А. Шматко называет этот аспект теоретической модели Бурдьё двойным структурированием социальной действительности (см.: Шматко 2001: 33–35; 2005: 567–569).

<sup>5</sup> Бурдьё любил критиковать широко распространенную в социальных науках интеллектуалистскую ошибку (*scholastic fallacy*), в соответствии с которой "ученый помещает в голову изучаемого агента... теоретические доводы и конструкции, которые он должен был разработать для понимания его (агента. – П.П.) практик" (Бурдьё 2005: 158). Такая ошибка особенно присуща объективистским теориям общества, но зачастую ей подвержены и субъективистские теории, приписывающие исследуемым особенности научной установки, характерной для исследователя (ср., напр., понятие обыденных конструктов и типизаций в феноменологической концепции А. Шюца: Шюц 2004: 7–13, 18–28, 61–63 и пр.).

<sup>6</sup> См., напр.: "Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы – все это практики (применения, институты)" (Витгенштейн 1994: § 199). И далее: "Ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом... Вот почему мы склонны говорить: каждое действие по правилу – интерпретация" (Там же: § 201). "Правило выступает здесь как дорожный указатель. – Разве последний не оставляет никаких сомнений относительно пути, который я должен избрать? Разве он указывает, когда я прохожу мимо него, в каком направлении

мне идти – по дороге ли, тропинкой или прямо через поле? А где обозначено, в каком смысле нужно следовать ему: в направлении ли его стрелки или же (например) в противоположном? – А если бы вместо одного дорожного указателя имелась замкнутая цепь путевых знаков или меловых меток на земле, – разве в этом случае проигрывалась лишь одна их интерпретация? – Итак, можно говорить, что дорожный знак все-таки не оставляет места сомнению. Или вернее: он иногда оставляет место сомнению, а иногда нет" (Там же: § 85).

<sup>7</sup> Подчеркивая диалектическую природу габитуса, Бурдьё писал: «Концепт "габитус" позволяет уйти от альтернативы *финализма* – который считает действие детерминированным сознательной отсылкой на осознанно поставленную цель и потому рассматривает всякое поведение как результат чисто инструментального, если не сказать циничного, расчета – и *механицизма* – для которого действие редуцируется к простой реакции на недифференцированные причины» (Бурдьё 2005: 161).

<sup>8</sup> Подробнее о понятии габитуса в работах П. Бурдьё см.: Jenkins 1992: 74–84; Шматко 1998; Pinto 1998: 46–51; Бувересс 2001.

<sup>9</sup> Отдельные аспекты воззрений Бурдьё на проблему родства и брака более детально освещаются в статье А. Бенсы (Bensa 2003), к которой мы и отсылаем читателя.

<sup>10</sup> Л.Ж.Д. Вакан объясняет устойчивый интерес Бурдьё к родству и другим этнологическим вопросам традициями французской социологической школы Э. Дюркгейма и М. Мосса (Вакан 2001: 192–196).

<sup>11</sup> Мы не затрагиваем здесь вопроса о реальной роли "кабийского" опыта в формировании теоретических взглядов Бурдьё – этот вопрос служит предметом дискуссии в работах: Addi 2002; Goodman 2003.

<sup>12</sup> Подробнее об особенностях употребления экономических понятий в работах Бурдьё см.: Boyer 2003.

### Литература

- Бувересс 2001 – Бувересс Ж. Правила, диспозиции и габитус // Социоанализ Пьера Бурдьё: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб., 2001.
- Бурдьё 1993 – Бурдьё П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993.
- Бурдьё 1994 – Бурдьё П. Начала. Choses dites. М., 1994.
- Бурдьё 2001а – Бурдьё П. Практический смысл / Общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.; М., 2001.
- Бурдьё 2001б – Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб., 2001.
- Бурдьё 2005 – Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2005.
- Вакан 2001 – Вакан Л.Ж.Д. Дюркгейм и Бурдьё: общее основание и трещины в нем // Социоанализ Пьера Бурдьё: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб., 2001.
- Витгенштейн 1994 – Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы / Сост. М.С. Козловой. Ч. 1. М., 1994.
- Дюркгейм 1995 – Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
- Шматко 1998 – Шматко Н.А. "Габитус" в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 60–70.
- Шматко 2001 – Шматко Н.А. Горизонты социоанализа // Социоанализ Пьера Бурдьё: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб., 2001.
- Шматко 2005 – Шматко Н.А. "Социальные пространства" Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005.
- Шюц 2004 – Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
- Accardo 1997 – Accardo A. Introduction a une sociologie critique: lire Bourdieu. 2e ed. P., 1997.

- Addi* 2002 – *Addi L.* Sociologie et anthropologie chez Pierre Bourdieu: Le paradigme anthropologique kabyle et ses consequences theoriques. P., 2002.
- Bensa* 2003 – *Bensa A.* L'exclu de la famille: La parente selon Pierre Bourdieu // Actes de la recherche en sciences sociales. 2003. № 150. P. 19–26.
- Bentley* 1987 – *Bentley G.C.* Ethnicity and Practice // Comparative Studies in Society and History. 1987. Vol. 29. № 1. P. 24–55.
- Bonnewitz* 1998 – *Bonnewitz P.* Premieres leçons sur la sociologie de P. Bourdieu. P., 1998.
- Bourdieu* 1972 – *Bourdieu P.* Les strategies matrimoniales dans le systeme de reproduction // Annales: Économie. Societes. Civilisations. 1972. An. 27. № 4/5. P. 1105–1125.
- Bourdieu* 1988 – *Bourdieu P.* Homo academicus. Stanford, 1988.
- Bourdieu* 2000 – *Bourdieu P.* Esquisse d'une theorie de la pratique, precede de Trois etudes d'ethnologie kabyle. P., 2000.
- Bourdieu* 2003 – *Bourdieu P.* L'objectivation participante // Actes de la recherche en sciences sociales. 2003. № 150. P. 43–57.
- Boyer* 2003 – *Boyer R.* L'anthropologie economique de Pierre Bourdieu // Ibid. P. 65–78.
- Farnell* 2000 – *Farnell B.* Getting out of the *habitus*: an alternative model of dynamically embodied social action // The Journal of the Royal Anthropological Institute, Incorporating Man. 2000. Vol. 6. № 3. P. 397–418.
- Goodman* 2003 – *Goodman J.E.* The Proverbial Bourdieu: Habitus and the Politics of Representation in the Ethnography of Kabylia // American Anthropologist. 2003. Vol. 105. № 4. P. 782–793.
- Jenkins* 1992 – *Jenkins R.* Pierre Bourdieu. L.; N.Y., 1992.
- Pinto* 1998 – *Pinto L.* Pierre Bourdieu et la theorie du monde social. P., 1998.
- Robbins* 1991 – *Robbins D.* The Work of Pierre Bourdieu. Buckinham, 1991.
- Swartz* 1997 – *Swartz D.* Culture and Power: The sociology of Pierre Bourdieu. Chicago, 1997.
- Throop, Murphy* 2002 – *Throop C.J., Murphy K.M.* Bourdieu and Phenomenology: A Critical Assessment // Anthropological Theory. 2002. Vol. 2. № 2. P. 185–207.
- Verdes-Leroux* 1998 – *Verdes-Leroux J.* Le Savant et la Politique: Essai sur le terrorisme sociologique de Pierre Bourdieu. P., 1998.
- Wacquant* 1992 – *Wacquant L.J.D.* Toward a Social Praxeology: The Structure and Logic of Bourdieu's Sociology // *Bourdieu P., Wacquant L.J.D.* An Invitation to Reflexive Sociology. Cambridge, 1992.